

ОБРАЗ И РЕАЛЬНОСТЬ РОССИИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОЙ ГЕОПОЛИТИКЕ В.Л. ЦЫМБУРСКОГО

Мария Бурова

В статье рассматривается критика В.Л. Цымбурским геополитики как области знания, анализируется предпринятая им попытка построения модели цивилизационной геополитики с учетом географических, исторических и динамических особенностей развития российской цивилизации как открытой системы. Взгляды Цымбурского систематизируются посредством артикуляции таких понятий, как материя (совокупность этносов и территория), форма (духовность и социальность), движение и цель цивилизации. С его точки зрения, Россия представляет собой геополитическое воплощение цивилизации, малочисленной и запоздавшей, с русским популяционным ядром, а паттерн «остров Россия» подчеркивает целостность, сложность и системность отражаемой исторической и географической реальности как единства материи и формы. Цымбурский описывает двойные колебательные движения цивилизационной материи в системе «Европа–Россия», объясняя включенность России в длительные военные циклы и в циклы высоких культур. Цивилизация вертикальна и иерархична. Цель цивилизации – быть Основным человечеством на Основной Земле. Взаимодействие России как открытой меняющейся системы с динамичной внешней средой, с изменяющимся Великим Лимитрофом позволяет выйти и на уровень системы «Россия–Евразия». Цивилизационная парадигма, по мнению Цымбурского, должна включать в себя особый род культурологии и быть научно-исследовательской программой. Модель России-цивилизации, предложенная им, соответствует исторической и культурной реальности, выполняет объяснительную и прогнозирующую функции.

Ключевые слова: В.Л. Цымбурский, цивилизация, геополитика, этнос, лимитрофы.

Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

The article deals with Vadim L. Tsymbursky's criticism of geopolitics as a field of knowledge, analyzes his attempt to justify a model of civilizational geopolitics which would take into account geographical, historical, and dynamical peculiarities of the development of Russian civilization as an open system. Tsymbursky's views are systematized and analyzed through the articulation of such concepts as matter (the totality of ethnic groups and territory), form (spirituality and sociality), movement and purpose of civilization. From his point of view, Russia is a geopolitical embodiment of civilization, small and rather late, with the Russian populational core, and the pattern "island of Russia" emphasizes the integrity, complexity and systematic nature of the reflected historical and geographic reality as a unity of matter and form. It is shown that Tsymbursky describes the double oscillating movements of civilization matter in the system "Europe–Russia", explaining the inclusion of Russia in the long military cycles and in the cycles of high cultures. According to Tsymbursky, civilization is a vertical and hierarchically organized entity. He claims that the purpose of civilization is to be the Basic Humanity on the Basic Earth. The interaction of Russia as an open changing system with a dynamic external environment, or with the changing Great Limitrophe, allows him to reach the level of the system "Russia–Eurasia". Tsymbursky believes that civilization paradigm should include a special kind of cultural studies and be a scientific research program. It is concluded that the model of Russia-civilization proposed by Tsymbursky is of great theoretical importance, since it corresponds to the historical and cultural reality, performs explanatory and prognostic functions.

Keywords: Vadim L. Tsymbursky, civilization, geopolitics, ethnos, limitrophes.

Тема российской идентичности, ликов, образов, судьбы, прошлого и будущего России является одной из центральных в русской историософской традиции и сохраняет свою важность и актуальность, что требует теоретических и практических ответов на старые и новые вопросы. Является ли Россия Европой или отдельной цивилизацией [7, с. 131], в чем особенности русской цивилизации? Не представляет ли она собой псевдоморфозу или цивилизационного кентавра [1, с. 119], феномен она или фантом [3, с. 17]? В чем смысл концепта «русская цивилизация» [5], как уйти от традиции «апофатической идентификации русской цивилизации и России в целом» [3, с. 22] и что охватывает собой понятие цивилизации в аспекте онтологии, методологии и прикладной политики? Как замечает И.И. Мюрберг, в исторически переломные для нашей страны моменты интерес к теме цивилизации возрастает, разработка теории цивилизации начинает напоминать строительство Вавилонской башни [4, с. 19].

В 1990-е гг. соотнесение образа России и ее реального существования как страны и государства вызвало большой интерес к геополитике, которую В.Л. Цымбурский называл искусством строить из географических образов политические картины мира [13, с. 45]. Геополитика о России в изменяющейся России являлась предметом дискуссий как в теоретическом, так и в практическом смыслах.

Обращение к геополитике предполагает многозначность ее понимания: что она есть – парадигма, концепт, наука, искусство, метод, техника как инструмент или модная идеология с элементами мифологии. В своей незаконченной работе, где наиболее подробно выражено его отношение к геополитике, В.Л. Цымбурский для обозначения совокупности геополитических идей использует термин «морфология», тем самым отсылая читателя к О. Шпенглеру и его взглядам на историю культуры.

Цымбурский подчеркивает «политичность» геополитики, поскольку ее начало определяется наличием хотя бы в замысле волевого политического акта. Этот акт отталкивается от возможностей пространства для реализации политических планов. И здесь следует различать интеллектуальный проект ученого, нацеленный на получение научной истины, и геополитический проект, нацеленный на политический эффект; для геополитики важна не истинность, а эффективность политической программы.

Хотя геополитическое мировидение претендует на статус и функции науки, используемые технологии подготавливают изменение сознания и самосознания человеческих сообществ, выступая в роли идеологии. Геополитика создает виртуальные миры – целостности «больших пространств». Причиной превращения геополитики как «явления в себе» в тип мировоззрения, когда мир воспринимается в «политически заряженных географических образах», не всегда совпадающих с границами государств, и в политическую практику, Цымбурский видит в империализме начала XX в. Предметом геополитики может быть и сведение политических пространств к чисто географическим, и переработка государств в открытые населенные территории для новых построений.

Метод геополитики – схематизация, когда прошлые тенденции развития территорий пробрасываются в будущее с наложением схем-фигур

в виде осей, дуг или полумесяцев, характерных для многих геополитических построений. С одной стороны, индуктивные умозаключения, создающие целостные образы из подборки данных, нацелены на закрепление сознания политического класса, причем эти образы приобретают характер традиции и кода. С другой стороны, геополитика выступает как практическая политика или школа стратегии, создавая сценарии под интересы конкретного политического игрока. Маскируясь под экспертное знание, геополитика выступает как искусство игры.

Цымбурский считает геополитику имагинацией, кодирующей, создающей смыслы для политических решений и мифологизирующей прошлое. Но и проекты являются мифотворчеством, поскольку сценарии и их базисные основы жестко не привязаны друг к другу. Эмпирическим сценариям могут соответствовать несколько различных интерпретаций [9].

Также критично он относится и к русской геополитической мысли в форме различных текстов доимперской и имперской эпохи. Философские или географические, они имели проектный характер, рисовали политические целостности по разным параметрам, предлагали новые политические или экономические центры, искали внешние силы, складывая из этого программу действий для правительства. В имперскую эпоху мифотворчество усиливалось, поскольку проекты наделялись цивилизационными сверхсмыслами, географическое пространство являлось возможностью самоопределения России. Это миф «похищения Европы», просматриваемый в идеологических построениях славянофилов, Ф.М. Достоевского, Ф.И. Тютчева, П.Н. Савицкого. С оценкой русской геополитики как мифотворчества или проектирования можно, конечно, спорить. Так, Е.С. Холмогоров видит в ней опыт критической рефлексии той или иной политической катастрофы или ответ на опыт неудач [6, с. 136].

Таким образом, геополитика рассматривается Цымбурским как система знаний и интеллектуальных операций, куда входят научный блок (моделирование), ненаучный блок, сближающийся с философией (рисование политических картин мира), и навыки прагматического умения-стратегирования [13, с. 45].

Несмотря на критическое отношение к геополитическим концепциям-моделям (в том числе Х.Дж. Маккиндера, А.Дж. Тойнби, Л.Н. Гумилева, С.Ф. Хантингтона) и мифам, Цымбурский считает, что цивилизационная геополитика, тем не менее, возможна и необходима для прояснения концепта «цивилизация» и определения сущности России. Но исследование России не должно быть редуccionистским. Распределение существующих этноцивилизационных платформ должно рассматриваться как автономный уровень реальности [12, с. 9].

Для того чтобы понять, чем является «Россия-цивилизация» – идеологемой или реальностью, вероятно, стоит рассмотреть онтологический статус цивилизации. Для В.Н. Лексина это вопрос о возможности слабо формализуемого социально-культурного и исторического феномена цивилизаций быть предметом корректного научного анализа, о значимых признаках, факторах обнаружения сущности цивилизаций, чтобы понять, являются ли они «чем-то реальным или всего лишь симулякрами, используемыми для удобства исторических и геополитических описа-

ний» [3, с. 6–7]. Не менее важно определиться с тем, в какой парадигме нужно рассматривать Россию как цивилизационную целостность: универсалистской, мультицивилизационной, социально-конструктивистской или реалистической [4, с. 23, 28].

На наш взгляд, следует обратиться к анализу «материи» цивилизации, географическим и историческим фактам, которые составляют основу научного подхода, а также к «формам» этой материи. Материей является совокупность этносов и территория, формами – духовность и социальность. Цымбурский определяет цивилизацию как этносы или группы этносов, популяции, каждая из которых эталонно воплощает отличный от других тип духовности и социальности, заполняя обособленное пространство в мире и превращая этот тип в традицию государственного строительства. Одни и те же цивилизации могут быть названы по-разному, в зависимости от выбранного основного признака [8, с. 65]. Россию, по его мнению, можно не только описать как цивилизацию, но и объяснить тем самым ее историю.

Особенность социальности России Цымбурский видит в стратегической роли государства в хозяйственной сфере и в его роли главного цивилизатора, в слиянии в одну систему кризисов политических, культурных и кризисов самоидентичности общества, что приводило к культурной нагруженности политических решений. Особо отмечается им наличие базисной популяции русских, а не славян или тюрков, поскольку эти народы относятся к «цивилизационным междумирям». Россия не является государством-нацией или этнократией, она есть геополитическое воплощение цивилизации с русским популяционным ядром. Одним из пунктов цивилизационной геополитики, предложенной Цымбурским, является различение ядра и периферии, при отсутствии четких границ между перифериями соседних цивилизаций [8, с. 67, 69]. Поэтому необходимо развивать цивилизационное ядро с осторожными обязательствами в отношении периферии.

Начало исторического развития русской цивилизации (и одновременно становления «Великого Лимитрофа») Цымбурский связывает с крахом Византии, за которым последовали уничтожение Орды и движение к Уралу и Тихому океану. Россия является малочисленной и «запоздавшей» цивилизацией [8, с. 74, 76].

Для характеристики России как геополитического объекта Цымбурский выделяет признаки, которые можно считать не просто условиями, но факторами развития. Первым является переход из географической ниши в состояние этноцивилизационной платформы. Ниша России в мировом географическом порядке не перекрывается платформами других цивилизаций, она имеет самостоятельную государственную и геополитическую традицию. Исторически целостная геополитическая ниша русского этноса, лежащая к востоку от романо-германской этноцивилизационной платформы, не относилась к ней. В XVI в. она превзошла площадь коренную Европу, а в XVII в. образовала особую платформу, заполнив пространство между Европой и Китаем.

Второй фактор – обширность трудных для освоения пространств на востоке России, и за 400 с лишним лет своего государственного существ-

ования Россия не ощущала по-настоящему крупной угрозы отсюда. Цымбурский считает, что после взятия Казани на востоке не осталось соперника, опасного для жизненных центров страны, а с начала освоения трудных пространств Сибири, после сибирских татар, не осталось политических сил. При этом государство опиралось не на степь как периферию, а на лесную и лесостепную зоны.

Еще одной важной особенностью России является ее отделенность на западе от романо-германской Европы, родины либеральной цивилизации, поясом народов и территорий, примыкающих к этой коренной Европе, но не входящих в нее («территориями-проливами»). Уже в XVI в. Восточная Европа отличается от Центральной социально-экономическим укладом, «вторым изданием крепостничества» [12, с. 10–11].

Материя, в том числе социальная, характеризуется структурностью, движением, ритмичностью. Географическая структура России, согласно Цымбурскому, меридианальная: это Евро-Россия, Дальневосточная Россия и Урало-Сибирь, и широтная – по природным зонам. Четыре крупных региона, или композиционных узла (Северо-Запад, Юго-Запад, Северо-Восток и Юго-Восток), примыкают к Великому Лимитрофу, открывают выход к морям и являются источником вызовов для России [16, с. 117]. Целостность России зависит от сохранения всех трех частей.

Движения, ритмы, циклы носят различный характер. Так, исходя из логики «похищения Европы», в великоимперскую эпоху Россия надвигалась на те регионы Востока, которые могли задеть интересы Запада в ответ на действия европейских стран, блокировавших ей вход в Европу или в связанные с ней области, даже если это было невыгодно ей фактически [12, с. 21]. Смену фаз и парадигм отношений России и романо-германского Запада Цымбурский называл попыткой континентального «острова» изжить свое островитянство [10, с. 98]. Пожалуй, здесь «остров» выступает как концептуальный персонаж.

Многосмысленность «острова» позволяет видеть в нем метафору, заданность, идеальную модель геополитического состояния в мышлении и реальность в виде свернутой цивилизации [2, с. 182]. «Островное» географическое и культурное положение России можно интерпретировать не как обособленность, а как сконцентрированность сил [5, с. 69]. «Остров Россия» несет в себе образ, символ, понятие. Цымбурский рассматривает «остров Россию» как паттерн, что подчеркивает целостность, сложность, ритмичность и системность отражаемой исторической и географической реальности как единства материи и формы.

Помимо этих одновременно внешних и внутренних движений, выделяются сверхдлинные военные столетия десятилетние циклы Запада, в которые начиная с XVIII в. втянулась и Россия. Военно-политическое участие России с этого времени в европейских делах Цымбурский рассматривает как циклы и ходы, отражающие прагматизм и бескорыстие, своеобразный «идеализм», в промежутках между которыми происходят еще и евразийские интермедии [9]. Но можно эти же циклы рассматривать и как изменение системы «Европа–Россия» в длительном историческом периоде. Сами же войны от средневековья до конца XX в. характеризуются им сменой преобладания истребительной мощи и мобилизации

онного потенциала европейских стран в разные эпохи, что отражается на международной политике и политических играх [15, с. 91]. Для России важно накапливать силы в третьем сверхдлинном периоде. Самой же Европе, очевидно, Россия не нужна как европейская держава.

Особенно Цымбурский тяготеет к шпенглеровскому циклу для «высоких культур», который соответствует пониманию цивилизации и России-цивилизации как «Основного человечества» на «Основной Земле» (что можно считать и конечной целью цивилизации). И в России, полагал он, можно обнаружить сюжет развития с переходом от аграрно-сословной фазы с оформлением сакральной вертикали к городской революции, реформационные и контрреформационные волны [10, с. 106–108].

Модель идеального типа мирового культурного цикла дает возможность, полагал Цымбурский, объяснить все стадийные изменения истории России в системе мирового Запада. И в то же время двойная ритмичность, внутренние цивилизационные ритмы России и колебания ее как части по отношению к целому, к мировой системе позволяет использовать оппозицию фигуры и фона, маркированной формы переднего плана и рамки. Цивилизация вертикальна и иерархична, она может маркироваться религией или идеологией, хотя ценности могут меняться. А фон для нее – ее этнографическое, догосударственное предбытие, или периферия, состоящая из других народов. Задача цивилизации – не слиться с фоном [17, с. 140–141].

Рассмотрение России как открытой меняющейся системы предполагает ее взаимодействие с динамичной внешней средой. Таковой является не только европейская цивилизационная платформа, но и то, что Цымбурский называет «Великим Лимитрофом», большая окраина, включающая Восточную Европу, Закавказье, область пустынь и полупустынь севернее Памира с населяющими их народами. Можно согласиться с Н.Ю. Ташлыковой в том, что это естественное обрамление не стоит сводить к конкретным историческим границам цивилизации, как и считать его искусственной конструкцией [5, с. 69]. Распирение-сжатие России как географического, политического объекта связано с вхождением этих земель в Россию, что можно рассматривать как модель «Россия–Евразия». Но на этот лимитроф экономически, идеологически (и даже военным путем) претендуют и старые цивилизации.

Поэтому России необходимо, заключал Цымбурский, сохранять целостность своей платформы и повышать свой авторитет на всем Великом Лимитрофе, быть цивилизацией жизни. А это означает сохранять свой суверенитет и целостность государства, развивать территории и русскую культуру, использовать ее как «мягкую силу», представлять нашу цивилизацию, наш русский мир другим народам.

Итак, каков же вклад В.Л. Цымбурского в цивилизационную парадигму, которую он характеризует как рассмотрение мира, где мы живем, в качестве одного из миров, выстроенными разными Основными Человечествами [11, с. 163]? Эта парадигма, считал он, должна включать в себя особый род культурологии, анализирующей соотношение форм, смыслов, функций, сакральных вертикалей. Но она должна быть и научно-исследовательской программой. Цивилизационная геополитика Цым-

бургского имеет системный характер, включая в себя географические, исторические и политические элементы.

Его концепция не претендует на то, чтобы охватить все цивилизации в их историческом развитии: древние цивилизации, как и другие континенты, лишь упоминаются. Она четко сфокусирована на развитии российской цивилизации как географической страны и государства в системах «Россия–Европа» и «Россия–Евразия», изредка касаясь отношений с США. Исторический срез – новое и новейшее время. Именно здесь Цымбурский выявляет две геостратегические парадигмы: стремление России вобрать в себя Великий Лимитроф и отождествлять себя с платформой, лежащей среди него [14, с. 92]. Следуя логике культурно-цивилизационного подхода, он подчеркивает повторяемость, цикличность исторических и политических событий. Важным является использование особого понятийного аппарата. Можно полагать, что предложенная Цымбурским модель России-цивилизации соответствует исторической и культурной реальности и выполняет объяснительную и прогнозирующую функции.

Литература

Исследования

1. *Гранин Ю.Д.* «Остров Россия» Вадима Цымбурского и геополитический проект «Большая Евразия» // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 1. С. 107–124.
2. *Громыко Ю.В.* Идеология как дисциплинарное занятие. Цымбурский – гуманитарный ученый-пророк // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 180–186.
3. *Лексин В.Н.* Русская цивилизация: опыт системной диагностики // Мир России. 2012. № 4. С. 3–39.
4. *Мюрберг И.И.* Тема цивилизации в российском политико-цивилизационном дискурсе XXI в. // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 1. С. 19–34.
5. *Ташлыкова Н.Ю.* Современные дискуссии о концепте «русская цивилизация» // Российский экономический вестник. 2022. Т. 5. № 5. С. 68–72.
6. *Холмогоров Е.С.* В поисках утраченного Царьграда: Цымбурский и Данилевский // Тетради по консерватизму. 2015. № 1. С. 136–156.
7. *Шимов В.В.* Россия и Европа как система цивилизаций // Тетради по консерватизму. 2022. № 1. С. 131–139.

Источники

8. *Цымбурский В.Л.* Земля за Великим Лимитрофом // Цымбурский В.Л. Возвращение на «Остров Россия». М.: Родина, 2024. С. 61–89.
9. *Цымбурский В.Л.* Морфология российской геополитики и динамика международных систем // Chitat-Online.org. URL: <https://chitat-online.org/reader/morfologiya-rossiyskoj-geopolitiki-i-dinamika-mezhdunarodnyh>
10. *Цымбурский В.Л.* Конъюнктуры Земли и Времени // Цымбурский В.Л. Возвращение на «Остров Россия». М.: Родина, 2024. С. 96–115.
11. *Цымбурский В.Л.* Недоверие к миропорядку // Цымбурский В.Л. Возвращение на «Остров Россия». М.: Родина, 2024. С. 155–168.

12. *Цымбурский В.Л.* Остров Россия // Цымбурский В.Л. Возвращение на «Остров Россия». М.: Родина, 2024. С. 6–43.
13. *Цымбурский В.Л.* «Остров Россия» за семь лет // Цымбурский В.Л. Возвращение на «Остров Россия». М.: Родина, 2024. С. 43–60.
14. *Цымбурский В.Л.* Россия в условиях стратегической нестабильности // Цымбурский В.Л. Возвращение на «Остров Россия». М.: Родина, 2024. С. 89–96.
15. *Цымбурский В.Л.* Сверхдлинные военные циклы Нового и Новейшего времени // Цымбурский В.Л. Земля за Великим Лимитрофом: цивилизация и ее геополитика. М.: Эдиториал УССР. 2000. С. 89–106.
16. *Цымбурский В.Л.* Третий Рим и Вторая Великороссия // Цымбурский В.Л. Возвращение на «Остров Россия». М.: Родина, 2024. С. 115–123.
17. *Цымбурский В.Л.* Цивилизация – кто будет ей фоном? // Цымбурский В.Л. Возвращение на «Остров Россия». М.: Родина, 2024. С. 129–145.

Burova, Mariya L. *The image and reality of Russia in the civilizational geopolitics by V.L. Tsymbursky*

References

1. Granin, Yu.D. (2022), "The Island of Russia" by Vadim Tsymbursky and the geopolitical project "Great Eurasia", *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*, vol. 4, no. 1, pp. 107–124 (in Russian).
2. Gromyko, Yu.V. (2015), Ideology as a disciplinary activity. Tsymbursky is a humanitarian scientist and prophet, *Tetradi po konservatizmu*, no. 1, pp. 180–186 (in Russian).
3. Leksin, V.N. (2012), Russian civilization: the experience of system diagnostics, *Mir Rossii*, no. 4, pp. 3–39 (in Russian).
4. Myurberg, I.I. (2022), Civilization as a topic of Russian politico-civilizational discourse in the 21st century, *Problemy tsivilizatsionnogo razvitiya*, vol. 4, no. 1, pp. 19–34 (in Russian).
5. Tashlykova, N.Yu. (2022), Modern discussions on the concept of "Russian civilization", *Rossiyskiy ekonomicheskii vestnik*, vol. 5, no. 5, pp. 68–72 (in Russian).
6. Kholmogorov, E.S. (2015), In search of the lost Tsargrad: Tsymbursky and Danilevsky, *Tetradi po konservatizmu*, no. 1, pp. 136–156 (in Russian).
7. Shimov, V.V. (2022), Russia and Europe as a system of civilizations, *Tetradi po konservatizmu*, no. 1, pp. 131–139 (in Russian).